

*Джордже, которая доставляет
мне массу удовольствий*

ПРОЛОГ

Афины, 1947 год

Через запыленное ветровое стекло машины начальник полиции Георгиос Скури наблюдал, как в деловой части Афин в каком-то медленном танце по очереди падают административные здания и отели, словно выстроенные в несколько рядов гигантские кегли в некоем космическом кегельбане.

— Через двадцать минут будем на месте, — пообещал ему сидевший за рулем полицейский в форме. — На улицах совсем нет транспорта.

Скури рассеянно кивнул, не отрывая глаз от домов. Этот оптический обман всегда зачаровывал его. В мерцающем зное безжалостного августовского солнца плавные воздушные волны обволакивали дома, и казалось, что те низвергаются на улицы красивейшим водопадом из стекла и стали.

Часы отсчитали десять минут после полудня, и на пустынных улицах лишь изредка попадались прохожие. Завидев три полицейские машины, на полной скорости несущиеся на восток, в направлении аэропорта Элленикон, расположенного в тридцати километрах от центра Афин, разомлевшие от жары пешеходы не проявляли особого любопытства и лишь провожали их мимолетным взглядом. Начальник полиции ехал в первой машине. В рядовых обстоятельствах он остался бы в своем удобном и прохладном кабинете, послав подчиненных работать под открытым небом в столь ослепительный и жаркий полдень. Однако на этот раз обстоятельства оказались далеко не рядовыми и потребовалось личное присутствие Скури по двум причинам. Во-первых, в течение дня в аэропорт будут прибывать самолеты

с высокими гостями из разных стран мира. Необходимо позаботиться о том, чтобы их достойно встретили и без лишней волокиты провели через таможню. Во-вторых, и это самое главное, в аэропорт нагрянут репортеры и операторы кинохроники. Скури отнюдь не был дураком и, бреясь сегодня утром, решил, что, если в киножурнале покажут, как заботливо он обращается со знаменитостями, это нисколько не помешает его карьере. Судьба преподнесла ему редкий подарок — на вверенной ему территории происходит событие мирового значения, и было бы просто глупо не воспользоваться такой сенсацией. Он подробно обсудил представившуюся возможность с двумя самыми близкими ему людьми — женой и любовницей. Анна, безобразная и злобная женщина средних лет, родившаяся в крестьянской семье, приказала ему держаться подальше от аэропорта и не высовываться, чтобы никто не мог обвинить его, если что-то пойдет не так. Мелина, его добрый и прекрасный ангел, посоветовала ему лично приветствовать знаменитостей. Она согласилась с ним, что подобное событие может сразу же вознести его на вершину славы. Если Скури справится со своими обязанностями, ему по крайней мере обеспечена прибавка к зарплате, а если Бог того пожелает, его могут назначить комиссаром полиции, когда нынешний комиссар уйдет на пенсию. Он в сотый раз пожалел, что судьба так жестоко посмеялась над ним, дав ему в жены Анну и сделав Мелину его любовницей.

Сейчас Скури думал о том, что ему предстоит сделать в ближайшие часы. Следовало убедиться, что в аэропорту все пройдет гладко. Он взял с собой дюжину своих лучших людей. Скури прекрасно понимал, что главное — контроль над прессой. Его поразило огромное количество журналистов из ведущих газет и журналов, понаехавших в Афины со всего мира. Самому Скури пришлось шесть раз давать интервью, и каждый раз ему задавали вопросы на ином языке. Его ответы переводились на немецкий, английский, японский, французский, итальянский, русский. Едва он стал входить во вкус своего нового положения знаменитости, как ему позвонил комиссар полиции и предупредил, что начальнику полиции не стоит делать публичные заявления по поводу судебного процесса об убийстве, который еще не начался. Скури не сомневался, что комиссаром руководила ревность, но решил не спорить с ним и в дальнейшем отказался от интервью. Однако комиссар, конечно, не станет выражать недовольства, если он, Скури, окажется в аэропорту в самой гуще событий в то время, когда операторы кинохроники будут снимать прибывающих знаменитостей.

Машина на скорости выехала на проспект Сигру и резко повернула налево к морю в направлении Фалерона. У Скури засосало под ложечкой. До аэропорта оставалось лишь пять минут езды. Он пересчитал в уме всех знаменитостей, прибывающих сегодня в Афины до наступления темноты.

Арман Готье страдал от воздушной болезни. В его душе давно укоренился страх перед полетом, что объяснялось чрезмерной любовью к самому себе и собственной жизни. Эта любовь вместе с воздушными бурями, обычными летом у побережья Греции, привела к тому, что его сильно тошнило. Арман был рослым человеком. Высокий лоб, аскетическая худоба делали его похожим на ученого, с губ не сходила язвительная усмешка. В двадцать два года он стал одним из основателей «новой волны», внесшей свежую струю в развитие французской кинематографии, а затем добился еще большего успеха на театральном поприще. Признанный теперь одним из лучших в мире режиссеров, он всю пользовался своим положением. Если не считать последних двадцати минут, Готье остался доволен полетом. Стюардессы узнали его и старались угодить, притом не только в пределах своих служебных обязанностей, но и явно намекая, что вполне доступны для другой «деятельности». Некоторые пассажиры подходили к нему во время полета, чтобы выразить свое восхищение его фильмами и театральными постановками. Однако сам он заинтересовался хорошенькой английской студенткой, которая училась в колледже Святой Анны Оксфордского университета и писала диссертацию на получение ученого звания магистра гуманитарных наук. Ее научная работа была посвящена театру, и основное место в ней отводилось Арману Готье. Они оживленно беседовали, и все шло хорошо до тех пор, пока студентка не заговорила о Ноэль Паж.

— Ведь вы были ее режиссером! — воскликнула девушка. — Надеюсь, мне удастся попасть на суд. Вот будет цирк!

Готье почувствовал, что изо всех сил сжимает ручки кресла. Его самого удивило, что замечание студентки столь сильно на него подействовало. Даже по прошествии стольких лет воспоминания о Ноэль причиняли ему острую боль, которая со временем становилась все сильнее. Никто никогда так не волновал его, и никому уже не оставить столь глубокого следа в его сердце. С тех пор как три месяца назад Готье прочитал об аресте Ноэль, он не мог думать ни о чем другом. Он посылал ей телеграммы и письма, предлагая посильную помощь, но ни разу не получил ответа. Готье не собирался присутствовать на суде, но не удержался и отправился в путь. Самому себе он объяснял это желанием увидеть, изменилась

ли она с той поры, как они жили вместе. Однако в глубине души он признавал, что была и другая причина. Его артистическая натура толкала его на суд, чтобы стать свидетелем предстоящей там драмы. Ему хотелось взглянуть на выражение лица Ноэль, когда судья объявит ей, будет она жить или нет.

По селекторной связи командир корабля резким, звенящим голосом известил пассажиров о том, что через три минуты самолет совершит посадку в Афинах, и, сгорая от нетерпения снова увидеть Ноэль, Готье так разволновался, что забыл о своей воздушной болезни.

Доктор Израэль Кац летел в Афины из Кейптауна, где работал главным врачом и нейрохирургом в большой, новой, только что построенной больнице Гроот-Шуур. Кац считался одним из ведущих нейрохирургов мира. В медицинских журналах постоянно печатались статьи о разработанных им передовых методах операций на мозге. Среди его пациентов были премьер-министр, президент и король.

Доктор Кац, мужчина среднего роста, с волевым и умным лицом, глубоко посаженными глазами и длинными, тонкими, нервными руками, откинулся на спинку кресла самолета авиакомпании «Бритиш оверсиз эруэйз корпорейшн». Он устал и поэтому почувствовал привычную боль в правой ноге, хотя этой ноги уже не было, поскольку ее ампутировали топором шесть лет назад.

День выдался трудный. Еще до рассвета он сделал операцию, посетил шестерых больных, а потом присутствовал на заседании совета директоров больницы, после чего отправился в аэропорт, чтобы вылететь в Афины на суд. Жена Каца Эстер пыталась отговорить его:

— Теперь ты уже ничего не можешь для нее сделать, Израэль.

Пожалуй, она была права, но Ноэль Паж однажды рисковала своей жизнью, чтобы спасти его, и он оставался у нее в долгу. Теперь он думал о Ноэль, и его охватило то непередаваемое чувство, которое он всегда испытывал в общении с ней. Казалось, что простая память о Ноэль способна зачеркнуть разделявшее их время. Разумеется, это всего лишь романтическая фантазия. Пролетевшие годы уже не вернуть. Раздался толчок, самолет выпустил шасси и пошел на снижение. Доктор Кац посмотрел в окно. Внизу раскинулся Каир, где ему предстояло пересесть на самолет египетской авиакомпании, который доставит его в Афины и к Ноэль. Винова ли она в убийстве? Пока самолет выходил на посадочную полосу,

Кац думал о другом страшном убийстве, совершенном ею в

* * *

Филипп Сорель стоял у поручней своей яхты и смотрел, как приближается Пирейская бухта. Ему понравилось морское путешествие. Оно дало Сорелю редкую возможность избавиться от своих поклонников. Филипп был одной из самых кассовых кинозвезд мира, но, если взглянуть на него, станет ясно, что его нынешний успех потребовал немало труда. Никто бы не назвал Сореля красавцем. Наоборот, у него было лицо боксера, который проиграл последние десять встреч на ринге, — многократно сломанный нос, редущие волосы, к тому же он слегка прихрамывал. Однако все это не имело значения, поскольку его находили сексуально привлекательным. Сорель был образованным человеком, говорил мягким, спокойным голосом, и это сочетание внутренней доброты и внешности водителя грузовика сводило женщин с ума, а мужчин заставляло видеть в нем героя. Сейчас, когда яхта уже входила в бухту, Сорель все еще недоумевал, зачем он прибыл сюда. Он отложил участие в съемках фильма, в котором ему хотелось сыграть, чтобы присутствовать на суде над Ноэль. Он прекрасно понимал, что появление в судебном зале сделает его легкой добычей репортеров, ведь с ним не будет ни его пресс-секретаря, ни менеджера, которые могли бы хоть как-то защитить его. Сорель был уверен, что газетчики неверно истолкуют его присутствие на шумном процессе об убийстве, совершенном его бывшей любовницей. Они решат, что известный актер сделал это в рекламных целях, чтобы приумножить свою и без того огромную славу. Как ни посмотри, его пребывание в Афинах станет крайне неприятным делом, но не приехать он не мог. Сорель обязательно должен был вновь увидеть Паж и выяснить, в состоянии ли он ей чем-нибудь помочь. Пока яхта плавно огибала белокаменный мол, он думал о той Ноэль, которую знал и любил, и пришел к выводу, что она вполне способна на убийство.

В то время как яхта Сореля готовилась ошвартоваться у берегов Греции, специальный помощник президента США находился на борту авиалайнера авиакомпании «Пан-Америкэн» в ста восьмидесяти километрах от аэропорта Элленикон. Уильям Фрэзер уже перешагнул пятидесятилетний рубеж. Это был седой человек с неправильными чертами лица и властными манерами. Фрэзер взял отпуск, чтобы слетать на суд в Грецию, хотя время для такого путешествия выдалось самое неподходящее — разразившийся в конгрессе кризис достиг наивысшей точки. Он знал, сколь мучительными будут для него ближайшие несколько не-

дель, но не видел для себя другого выхода. Это было путешествие отщепенца, и сама мысль о мести приносила ему бесстрастное удовлетворение. Он постарался не думать о судебном процессе, который должен был начаться на следующий день, и стал смотреть в окно. Далеко внизу Фрэзер увидел экскурсионный катер, который, преодолевая волны, держал путь к греческому побережью, маячившему на горизонте.

Огюст Ланшон три дня страдал от морской болезни и умирал от страха. Морская болезнь мучила его, потому что экскурсионный катер, на который он сел в Марселе, задело мистралем. Страх не отпускал его, потому что Огюст опасался, как бы жена не узнала, куда и зачем он отправился. Ланшону шел седьмой десяток. Это был толстый лысый человек с короткими ногами, изъеденным оспой лицом, свинячьими глазками и тонкими губами, всегда сжимавшими дешевую сигару. В Марселе Ланшон владел ателье мод и не мог себе позволить — по крайней мере он постоянно твердил об этом жене — подобно богачам поехать в отпуск. Разумеется, напомнил он себе, его нынешнее путешествие вряд ли можно назвать отпуском. Ему необходимо было вновь увидеть свою дорогую и любимую Ноэль. С тех пор как она ушла от него, Ланшон из года в год следил за ее карьерой, с жадностью проглатывая разделы светской хроники во всех газетах и журналах в надежде отыскать новые сведения о ней. Когда она впервые получила главную роль в театре, он отправился в Париж только для того, чтобы встретиться с ней. Однако глупая секретарша Ноэль помешала их встрече. Позднее он смотрел фильмы с ее участием, смотрел по многу раз, неизменно вспоминая, как они занимались любовью. Да, поездка в Грецию обойдется ему в копейку, но Ланшон знал, что он не зря потратит деньги. Его драгоценная Ноэль вспомнит те прекрасные дни, которые они провели вместе, и в поисках защиты обратится к нему. Он подкупит судью или еще какого-нибудь чиновника, если те не потребуют с него слишком много, и Ноэль выпустят на свободу. Он поселит ее где-нибудь в Марселе в маленькой квартирке, и каждый раз, когда он захочет ее, она будет ему доступна. Только бы жена не пронюхала об этом.

В Афинах в своей крохотной юридической конторе на втором этаже старого, захудалого дома, расположенного в бедном районе Монастираки, склонился над рабочим столом Фредерик Ставрос. Он был молод, упорен, нетерпелив и тщеславен. У него не было денег, чтобы взять себе помощника, и Фредерику пришлось самому выполнять скучную подготовительную ра-

боту по сбору юридических данных. Обычно он ненавидел эту сторону своей деятельности, но в данном случае Ставрос и не думал роптать. Он знал, что, если выиграет дело, клиенты станут добиваться его услуг и ему не о чем будет волноваться до конца своих дней. Тогда они с Еленой смогут пожениться, иметь детей. Он снимет новое помещение с роскошными служебными комнатами, наймет себе служащих и вступит в какой-нибудь модный клуб типа «Атенея Лески», где можно заполучить богатых клиентов. Метаморфоза уже началась. Каждый раз, когда Фредерик Ставрос появлялся на афинских улицах, его узнавали и кто-нибудь из тех, кто видел его фотографию в газетах, подходил к нему поговорить. В течение нескольких недель из никому не известного юриста Ставрос превратился в адвоката, которому предстоит защищать Ларри Дугласа. В глубине души Ставрос признавал, что ему достался невыгодный клиент. Он предпочел бы иметь в качестве подзащитной такую обаятельную женщину, как Ноэль Паж, и не связываться с ничтожеством по имени Ларри Дуглас, но он сам пока что был никем. Достаточно того, что он, Фредерик Ставрос, сделался одним из основных участников сенсационного судебного дела, связанного с убийством века. Если обвиняемых оправдают, славы хватит на всех. Лишь одна мысль не давала Ставросу покоя. Оба ответчика обвинялись в совершении одного и того же преступления, но у Ноэль Паж был свой адвокат. Если вдруг Ноэль Паж оправдают, а Ларри Дугласа признают виновным... Ставроса охватила дрожь, и он постарался не думать об этом. Репортеры спрашивали его, считает ли он подсудимых виновными, а он только улыбался в ответ, посмеиваясь в душе над их наивностью. Не имеет значения, виновны они или нет. Главное состоит в том, что за деньги они могут нанять себе самых лучших адвокатов. Правда, Ставрос понимал, что, причислив себя к лучшим адвокатам, он несколько покривил душой. А вот защитник Ноэль Паж... О, это совсем другое дело. За ее защиту взялся Наполеон Шота. Нет в мире более блестящего адвоката по уголовным делам. Шота не проиграл еще ни одного важного дела. Подумав об этом, Фредерик загадочно улыбнулся. Он никому не решился бы сказать, что собирается перешеголять Наполеона Шота, но он поставил себе именно эту цель.

В то время как Фредерик Ставрос не покладая рук трудился в своей жалкой конторе, Шота присутствовал на званом обеде в одном из роскошных домов, расположенных в фешенебельном районе Афин Колонаки. Шота поражал своей худобой и истощенным видом. У него были большие печальные гла-

за ищейки, выделявшиеся на морщинистом лице. Мягким, граничащим с безволием поведением он прикрывал свой блестящий и острый ум. Ковыряя ложечкой десерт, он сидел за столом и отрешенно думал о начинающемся завтра судебном процессе. В тот вечер все говорили в основном о предстоящем суде. Разговор носил общий характер, поскольку гости были слишком хорошо воспитаны, чтобы задавать ему прямые вопросы. Однако к концу вечера, когда греческая анисовая водка и коньяк возымели действие, хозяйка дома спросила его:

— По-вашему, они виновны?

Шота простодушно ответил:

— Ну как они могут быть виновными? Ведь один из них мой клиент.

Все засмеялись, оценив шутку.

— Какова Ноэль Паж на самом деле?

Шота на секунду задумался.

— Это одна из самых необыкновенных женщин, — ответил он, тщательно подбирая слова. — Она красива и талантлива...

К своему удивлению, он вдруг почувствовал, что не хочет говорить о ней. Кроме того, нельзя было передать свое впечатление о Ноэль словами. Еще несколько месяцев назад он имел о ней весьма смутное представление как об эффектной женщине, чье имя часто появляется в прессе в разделе светской хроники и чьи фотографии украшают обложки киножурналов. Он никогда не обращал на нее внимания, и если и думал о Ноэль, то его отношение к ней сводилось к безразличию и презрению, которые он всегда испытывал ко всем актрисам. Все у них подчинено физической красоте при полном отсутствии ума. Но Боже мой, как он ошибался! Стоило ему встретиться с Ноэль, как он тут же безнадежно влюбился в нее. Из-за этой женщины он изменил своему основному правилу — никогда не испытывать никаких чувств к своему клиенту. Шота живо вспомнился тот день, когда его попросили взять на себя ее защиту. Они с женой собирались в Нью-Йорк, где их дочь родила первенца, и Шота уже упаковывал вещи. Ему казалось, что ничто не может помешать этой поездке. Но понадобилось всего два слова, чтобы он передумал. В спальню вошел его дворецкий и протянул ему телефонную трубку со словами:

— Константин Демирис.

На остров можно было добраться только на вертолете или яхте, но и аэродром, и бухта круглосуточно патрулировались вооруженными охранниками с овчарками. Остров находился

в частном владении Константина Демириса, и никто не имел права появляться там без приглашения. Вот уже многие годы среди посетителей острова можно было встретить королей и королев, президентов и бывших президентов, кинозвезд, прославленных оперных певцов и певиц, знаменитых писателей и художников. Константин Демирис занимал третье место в мире по размерам личного состояния и считался одним из могущественнейших людей на земле. Он обладал хорошим вкусом и привык жить на широкую ногу.

Утопая в глубоком кресле и дымя одной из специально для него изготовленных тонких египетских сигарет, Демирис сидел в своей роскошной библиотеке и думал о начинающемся утром судебном процессе. На протяжении нескольких месяцев пресса пыталась установить с ним контакт, но он просто не показывался. Вполне достаточно, что его любовницу будут судить за убийство и что он, пусть даже косвенно, оказался втянутым в это дело. Он не хотел подливать масла в огонь, раздавая интервью. Его интервьюировало, как чувствует себя Ноэль сейчас, в эту минуту, находясь в тюремной камере на улице Никодемус. Спит ли она? Бодрствует? Может быть, ее охватила паника перед предстоящим ей страшным испытанием? Он думал о своем последнем разговоре с Наполеоном Шота. Демирис доверял ему и знал, что тот не подведет. Он убедил адвоката, что ему наплевать, виновна Ноэль или нет. Шота придется изрядно потрудиться, чтобы оправдать каждый цент огромного гонорара, который выплачивает ему Константин Демирис. Нет, ему не о чем беспокоиться. Судебный процесс пройдет хорошо. Ведь Константин Демирис принадлежит к тем людям, которые ни о чем не забывают. Он помнит, что любимые цветы Кэтрин Дуглас — триантафилии, прекрасные розы Греции. Демирис протянул руку, взял со своего рабочего стола блокнот и сделал запись: «Триантафилии, Кэтрин Дуглас».

Это самое малое, что он мог для нее сделать.

КНИГА ПЕРВАЯ

1

КЭТРИН

Чикаго, 1919—1939 годы

У каждого большого города есть свой характерный образ, свое лицо. Это придает ему своеобразие и делает неповторимым. Чикаго двадцатых годов напоминал беспокойного и энергичного великана, неотесанного и грубого, одной ногой оставшегося в том безжалостном времени, когда в городе хозяйничали породившие его магнаты Уильям Огден и Джон Уэнтуорт, Сайрус Маккормик и Джордж Пульман. Здесь царствовали Филиппы Арморы, Густавесы Свифты и Маршаллы Филдсы. Здесь разбойничали такие хладнокровные гангстеры-профессионалы, как Хайми Вейс и «человек со шрамом» Аль Капоне.

Одним из самых ранних воспоминаний Кэтрин Александер было посещение вместе с отцом бара. Он взял ее на руки и усадил на табурет. Ей казалось, что она находится на головокружительной высоте от покрытого опилками пола. Отец заказал громадный стакан пива для себя и грин-ривер* для нее. Ей было тогда пять лет, но она запомнила, что отца распирало от гордости, когда ее окружила толпа посетителей и восхищалась ею. Все мужчины заказали себе напитки, а отец заплатил за них. У нее осталось в памяти, как она прижималась к его руке, чтобы лишний раз убедиться, что он все еще с ней. Он возвратился в город только накануне вечером, и Кэтрин знала, что скоро он опять уедет. Отец был коммивояжером. Он объяснил ей, что по работе ему приходится ездить в далекие города и на долгие месяцы разлучаться с ней и мамой, чтобы привезти им оттуда красивые подарки. Кэтрин отчаянно пыталась убедить его в том, что она откажется от подарков, если он останется с ней. Отец рассмеялся и сказал, что она слишком умна для своих лет. Затем он уехал из города, и Кэтрин увидела его только через полгода. Тогда, в ран-

* Безалкогольный напиток. — *Здесь и далее примеч. пер.*

нем детстве, мать, с которой она проводила все дни, казалась ей нерешительной и безликой, в то время как отец, подолгу отсутствовавший дома, представлялся ей яркой и необыкновенно светлой личностью, красивым, веселым, искрящимся юмором, добрым и щедрым человеком. Его появление дома всегда было для нее праздником, полным удовольствий, подарков и приятных неожиданностей.

Когда Кэтрин было семь лет, отец потерял работу, и их жизнь круто изменилась. Они покинули Чикаго и отправились в город Гэри, в штате Индиана, где отец устроился продавцом в ювелирном магазине. Тогда Кэтрин пошла в школу. Она настороженно относилась к одноклассникам и старалась держаться от них на почтительном расстоянии. Учителей своих она страшно боялась, а те неправильно поняли ее сдержанность и решили, что девочка полна сомнений. Отец теперь каждый день возвращался домой к обеду, и, когда вечером они все вместе сидели за столом, Кэтрин чувствовала, что наконец-то они стали настоящей семьей и живут не хуже других. По воскресеньям отец, мать и дочь брали напрокат лошадей и час-другой катались в дюнах. Кэтрин нравилось в Гэри, но через полгода после того, как они туда переехали, отец вновь потерял работу, и они подались в чикагский пригород Гарви. Занятия в школе уже начались, и Кэтрин оказалась новенькой. Все ее друзья остались в Гэри, и за ней утвердилась репутация нелюдимки. Дети, чувствовавшие полную безнаказанность в своей компании, приставали к долговязой новенькой и частенько жестоко насмехались над ней.

В течение последующих нескольких лет она научилась делать вид, что на нее не действуют нападки школьников, и стала прикрывать душу железным щитом безразличия. Когда это не срабатывало и укол все-таки проникал в сердце, она огрызалась, поражая обидчика язвительным и остроумным замечанием. Ей только хотелось поскорее «отшить» своих мучителей, чтобы они оставили ее в покое, однако ее остроумные возмездия возымели иное действие. Кэтрин сотрудничала в школьной газете и как-то раз написала в рецензии на поставленный ее одноклассниками музыкальный спектакль такую фразу: «Во втором действии у Томми Белдена было соло на трубе, и он продул его». Все подхватили ее слова и стали повторять их на каждом шагу. Однако Кэтрин больше всего удивило, что на следующий день в холле к ней подошел сам Томми Белден и сказал, что находит шутку смешной.

На уроке английского языка ученикам задали на дом прочесть книгу «Капитан Горацио Хорнблюуэр». Кэтрин ненавидела это произведение, и ее отзыв о нем состоял всего из одного предложения. Она взяла известную поговорку «Не бой-